

полития

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2016 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-11-00634).

² Gurr 1974.

³ См., напр. Mansfield, Snyder 1995; Gates et al. 2000; Goldstone et al. 2003, 2010; Ulfelder, Lustik 2007; Marshall, Cole 2008; Vreeland 2008.

⁴ См., напр. Цирель 2012а, 2012б; Гринин, Коротаев 2012, 2013, 2014; Grinin, Korotayev 2012, 2014; Малков и др. 2013; Korotayev et al. 2013, 2014; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев и др. 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015.

⁵ Przeworski et al. 2000: 30–36.

⁶ Dahl 1971.

⁷ Подробнее см. Jagers, Gurr 1995; Hegre et al. 2001; Миронюк, Тимофеев, Ваславский 2006: 39–42.

А.В.Коротаев, Е.В.Слинько, С.Г.Шульгин, С.Э.Билюга

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Опыт количественного КРОСС-НАЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

Ключевые слова: политический режим, социально-политическая нестабильность, автократия, демократия, холодная война

Связь между уровнем политической нестабильности и типом режима была замечена еще в 70-е годы прошлого века, когда началось накопление систематической информации о происходящих в мире конфликтах. Так, в 1974 г. Т.Р.Гарр высказал предположение, что наиболее подвержены дестабилизации так называемые полудемократии². Эта гипотеза получила дальнейшее развитие в работах, основанных на математическом анализе данных. В результате возникла теория об обратной U-образной зависимости между типом режима и риском политической дестабилизации, в соответствии с которой промежуточные режимы менее стабильны, нежели последовательные демократии и автократии³. О наличии такой зависимости свидетельствуют и исследования отечественных ученых⁴.

Очевидно, что ответ на вопрос о существовании связи между типами режимов и нестабильностью во многом зависит от того, как, собственно, определяется тип режима. В целом можно выделить две точки зрения на эту проблему.

Первая точка зрения состоит в том, что имеются четкие параметры, позволяющие отделить демократию от автократии, и если мы не можем установить, какой тип режима перед нами, то это связано скорее с ограниченностью нашего знания⁵. Подобный подход сужает представление о типах режима до дихотомии, понятие переходного или гибридного режима здесь отсутствует. Согласно второй точке зрения, демократия и автократия в чистом виде встречаются редко, и большинство режимов лежат между этими крайними точками⁶. При этом для идентификации «чистых» и «гибридных» режимов может использоваться различный набор критериев.

Нередко при определении типа режима используется Индекс демократии Polity⁷, ранжирующий страны по шкале от –10 (полностью

институционализированная автократия) до 10 (полностью институционализированная демократия). Индекс рассчитывается на основании шести индикаторов, кодируемых экспертами: (1) механизмы рекрутирования исполнительной власти (XRREG); (2) состязательность процесса рекрутирования исполнительной власти (Xcomp); (3) степень открытости процесса рекрутирования исполнительной власти (Xopen); (4) ограничения в отношении исполнительной власти (Xconst); (5) регулирование политического участия (Parteg); (6) состязательность политического участия (Partcomp).

Индекс Polity действительно позволяет выделить промежуточные типы режимов (анократии), однако он не раскрывает механику влияния конкретных параметров на стабильность режима⁸. В связи с этим некоторые авторы предпочитают использовать для операционализации понятия демократии лишь два или три показателя индекса Polity⁹, а иногда задействуют только один из них (например, степень открытости процесса рекрутирования исполнительной власти)¹⁰.

При всех несомненных достоинствах индекса Polity он нередко подвергается критике. В ряде работ критикуется способ кодирования индикаторов демократии в базе Polity, их зависимость друг от друга, неравномерность порядковой шкалы и другие погрешности кодирования¹¹. В других указывается на категориальный, а не порядковый характер используемой в индексе шкалы, а также на слишком высокую значимость такого индикатора, как ограничения в отношении исполнительной власти¹².

Вызывает сомнения и пригодность индекса Polity при установлении связи между типом режима и политической нестабильностью. Так, по мнению Дж.Р.Вриланда¹³, наличие между ними U-образной зависимости во многом обусловлено спецификой кодирования в Polity промежуточных режимов, когда страны, находящиеся в состоянии войны, определяются как переходные. Чтобы доказать справедливость своего утверждения, Вриланд анализирует приводимые в некоторых более ранних работах данные¹⁴, демонстрируя, что при исключении из агрегации индикаторов Partcomp и Parteg (которые, с его точки зрения, изначально связаны с гражданской войной) параметр «тип режима» оказывается незначимым.

NB! Впрочем, с тех же позиций Вриланд критикует и Freedom House¹⁵, обращая внимание на то, что в вопроснике, на основании которого в рамках проекта «Свобода в мире» определяется индекс гражданских свобод, есть прямое упоминание о гражданской войне и восстании (Is there freedom from war and insurgencies?).

Выводы Вриланда были протестированы Дж.Голдстоуном и его соавторами, обнаружившими, что включение в модель параметров, напрямую связанных с нестабильностью, не ведет к увеличению значимости переменной «тип режима» или точности модели¹⁶. Это говорит о том, что рассматриваемая переменная не является индикатором поли-

⁸ Hegre et al. 2014.

⁹ Marshall, Jaggers 2015; Gates et al. 2000.

¹⁰ Goldstone et al. 2010; Ulfelder, Lustik 2007.

¹¹ Treier, Jackman 2008.

¹² Ellingsen, Gleditsch 1997.

¹³ Vreeland 2008.

¹⁴ Hegre et al. 2001; Fearon, Laitin 2003.

¹⁵ Vreeland 2008.

¹⁶ Goldstone et al. 2010.

тического насилия. В случае промежуточных режимов она указывает на особый тип отношений между элитами, характеризующийся крайней поляризацией.

При определении типа режима некоторые исследователи опираются также на рейтинги, ежегодно рассчитываемые Freedom House в рамках проекта «Свобода в мире». Напомним, что рейтинг Freedom House включает в себя две составляющие — политические права и гражданские свободы, — которые агрегируются путем вычисления среднего арифметического оценок, выставляемых экспертами по 25 вопросам, касающимся различных аспектов реализации в стране политических прав и гражданских свобод. По итогам вычисления страны ранжируются по шкале от 1 (максимальная степень свободы) до 7 (минимальная степень свободы), и каждой из них присваивается один из трех статусов: свободная (значение индекса от 1 до 2,5), частично свободная (от 3 до 5) или несвободная (от 5,5 до 7)¹⁷. Страны первого типа в целом соответствует демократиям, второго — промежуточным режимам, третьего — автократиям.

Рейтинг Freedom House, наряду с индикатором нестабильности («гражданская война»), взятым из 3-го издания «World Handbook of Political and Social Indicators»¹⁸, был использован, в частности, в исследовании Э.Мюллера и Э.Вееде¹⁹, подтвердившем U-образную зависимость между типом режима и социально-политической дестабилизацией.

В настоящей статье мы предприняли попытку протестировать гипотезу о наличии такой зависимости, используя материалы доклада «Свобода в мире» за 2015 г.²⁰ и раздел *domestic* базы данных Cross-National Time Series (CNTS)²¹, где представлена информация о внутренних конфликтах (начиная с 1919 г.) по восьми группам (подкатегориям) событий:

- 1) политические убийства (политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков);
- 2) политические забастовки (забастовки, в которых принимало участие не меньше 1000 работников более чем одной компании и выдвигались требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти);
- 3) партизанская война (действия с применением оружия, диверсии или взрывы, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными формированиями и направленные на свержение существующего режима);
- 4) правительственные кризисы (любые быстроразвивающиеся ситуации, чреватые падением действующего режима);
- 5) политические репрессии (систематические действия, направленные на уничтожение политической оппозиции, включая аресты и казни);
- 6) массовые беспорядки (волнения, связанные с применением насилия, в которых принимало участие свыше 100 человек);

¹⁷ *Freedom 2015. Подробное описание методологии проекта «Свобода в мире» см. также Puddington et al. 2015.*

¹⁸ *Taylor, Jodice 1983.*

¹⁹ *Muller, Weede 1990.*

²⁰ *Freedom House 2015.*

²¹ *Подробнее об базе данных CNTS см. Banks, Wilson 2015.*

- 7) перевороты (незаконные или связанные с насилием изменения в правящей элите, любые попытки таких изменений, а также вооруженные выступления сепаратистского характера);
- 8) антиправительственные демонстрации (мирные публичные выступления, охватывающие не менее 100 человек, главной целью которых является выражение несогласия с политикой правительства).

На основе описанных подкатегорий строится общий индекс социально-политической дестабилизации. Для этого каждой подкатегории присваивается определенный вес (см. табл. 1). При расчете индекса численные значения каждой подкатегории умножаются на соответствующие им веса, полученные произведения складываются, сумма умножается на 100 и делится на 8:

$$domestic9 = \frac{25domestic1 + 20domestic2 + 100domestic3 + 20domestic4 + 20domestic5 + 25domestic6 + 150domestic7 + 10domestic8}{8} * 100.$$

Таблица 1 Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (domestic9)
Политические убийства	domestic1	25
Политические забастовки	domestic2	20
Партизанская война	domestic3	100
Правительственные кризисы	domestic4	20
Политические репрессии	domestic5	20
Массовые беспорядки	domestic6	25
Перевороты	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации	domestic8	10

Первая серия тестов

²² Здесь и далее статистическая значимость различий между категориями определялась с помощью критерия Тамхена ($p < 0,05$) и процедуры однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Прямое тестирование упомянутой выше гипотезы по данным Freedom House и CNTS подтвердило наличие U-образной зависимости между типом режима и социально-политической дестабилизацией. За период 1973—2012 г. среднее значение индекса социально-политической дестабилизации у промежуточных режимов почти вдвое выше, чем у режимов другого типа (см. рис. 1).

Вместе с тем первая же серия тестов выявила выраженную асимметрию U-образной зависимости. Действительно, если рассматривать три типа режимов отдельно, то окажется, что демократические и авторитарные режимы тоже значимо различаются²² по уровню дестабилизации, и первые в этом отношении заметно уступают вторым (см. рис. 2).

Рисунок 1 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для стран с режимами промежуточного и иного типа (1973–2012 гг.)

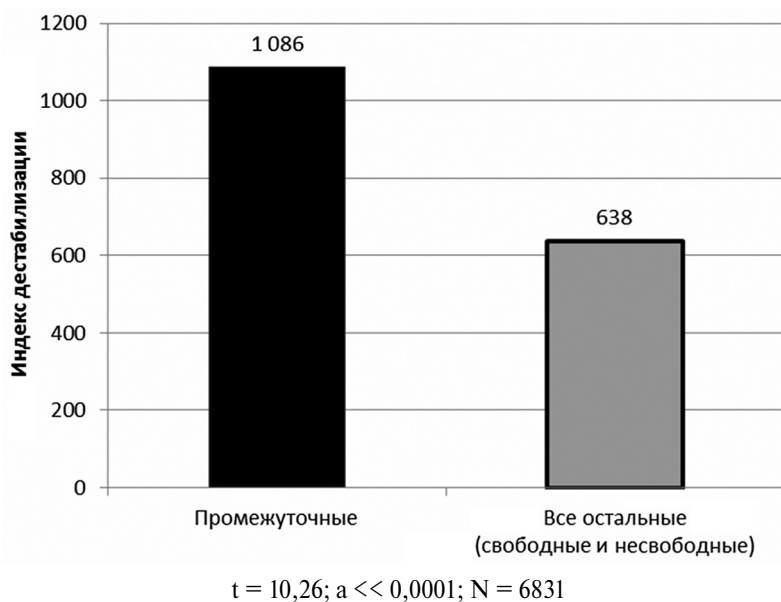
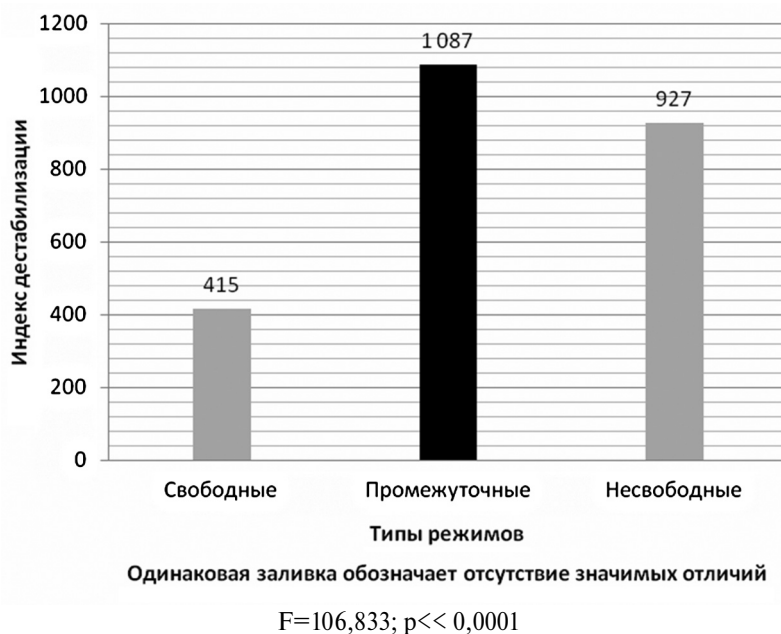

Рисунок 2 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для стран с различными типами режимов (1973–2012 гг.)

Отметим: имеются определенные теоретические основания полагать, что характер этой асимметрии меняется со временем. При этом есть веские аргументы в пользу того, что на нем должно было существенно отразиться окончание холодной войны. Рассмотрим эти аргументы.

С одной стороны, в период после окончания холодной войны и распада СССР следует ожидать заметного снижения социально-политической нестабильности в демократических странах мир-системного ядра (при том что большинство стран мир-системного ядра²³ квалифицируются Freedom House как «свободные»/демократические, а большинство последних принадлежат к мир-системному ядру).

В связи с этим чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что после распада СССР в странах мир-системного ядра обозначился кризис левого движения. Между тем до 1991 г. именно левые обычно инициировали выход на улицы граждан, недовольных условиями труда, именно они организовывали политические забастовки. Кроме того, в 1990-е годы западные страны (являющиеся в основном консолидированными демократиями) стали интенсивно выводить на мир-системную периферию и полупериферию промышленные производства, что тоже способствовало спаду протестной активности — ввиду сокращения численности промышленных рабочих, составлявших ее массовую базу (так, когда в Англии почти не осталось шахтеров, прекратились и их знаменитые забастовки). Свою лепту в снижение социально-политической нестабильности в демократиях Запада внесло и старение населения²⁴: известно, что к радикальным действиям более склонна молодежь, и увеличение ее численности и доли в населении служит одним из факторов, повышающих нестабильность в обществе²⁵.

С другой стороны, окончание холодной войны должно было привести к заметному росту нестабильности авторитарных режимов. И здесь уместно вспомнить крылатую фразу, приписываемую Ф.Д.Рузвельту: «Может быть, Сомоса и сукин сын, но это наш сукин сын». Считается, что слова эти были произнесены в 1939 г., но по-настоящему популярными они стали уже после 1945 г.²⁶ Дело в том, что в годы холодной войны в сохранении авторитарных режимов был заинтересован не только СССР. США тоже боялись свержения союзных им диктаторов, так как их падением могли воспользоваться просоветские силы. В результате и СССР, и США выступали гарантами стабильности авторитарных режимов в зонах своего влияния.

С распадом Советского Союза ситуация радикально изменилась. Сила, обеспечивавшая стабильность авторитарных режимов в бывшей советской зоне влияния, исчезла. Но и американцам уже можно было не опасаться, что свержение авторитарных режимов будет использовано их противниками. Более того, для усиления собственного влияния они стали активно задействовать разного рода программы демократизации²⁷.

Таким образом, есть основания предполагать, что после окончания холодной войны заметное снижение социально-политической нестабильности в странах, квалифицируемых Freedom House как «свободные»

²³ Список этих стран в основном совпадает со списком стран — членов ОЭСР с высокими доходами (*high-income OECD countries*).

²⁴ См. Goldstone, Kaufmann, Toft 2012.

²⁵ См., напр. Moller 1968; Goldstone 1991, 2002: 11—12; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004; Коротаев, Божеевский и др. 2010; Коротаев, Халтурина и др. 2010, 2011; Коротаев, Зинькина 2010, 2011а, 2011б, 2012; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev et al. 2011; Коротаев 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Малков 2014; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014.

²⁶ Schmitz 1999.

²⁷ Dalacoura 2001.

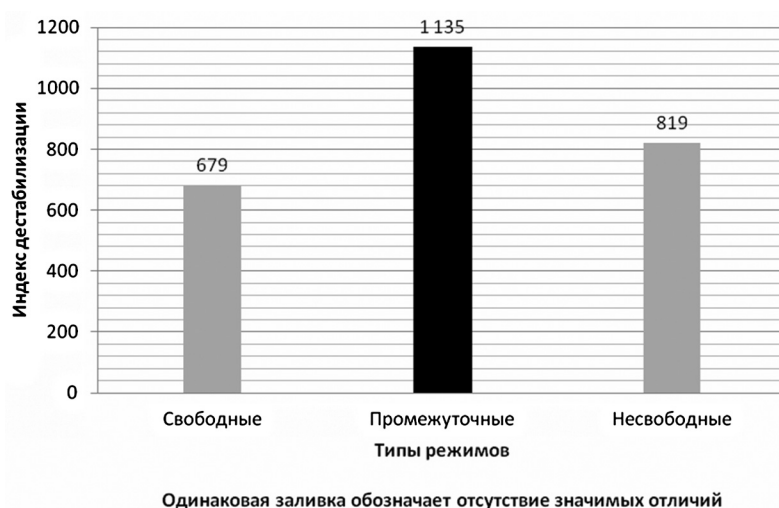
(демократические), сопровождалось не менее заметным ее повышением в государствах, квалифицируемых как «несвободные» (авторитарные).

Вторая серия тестов

Раздельное тестирование интересующих нас корреляций для периодов до и после окончания холодной войны дало следующие результаты.

В годы холодной войны U-образная зависимость прослеживается очень четко (см. *рис. 3*). Статистически значимые отличия от промежуточных режимов демонстрируют как автократии, так и демократии. Правда, средний уровень социально-политической нестабильности в автократиях и тогда был несколько выше, чем в демократиях, но эта разница не является статистически значимой.

Рисунок 3 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для режимов разного типа (1973–1991 гг.)

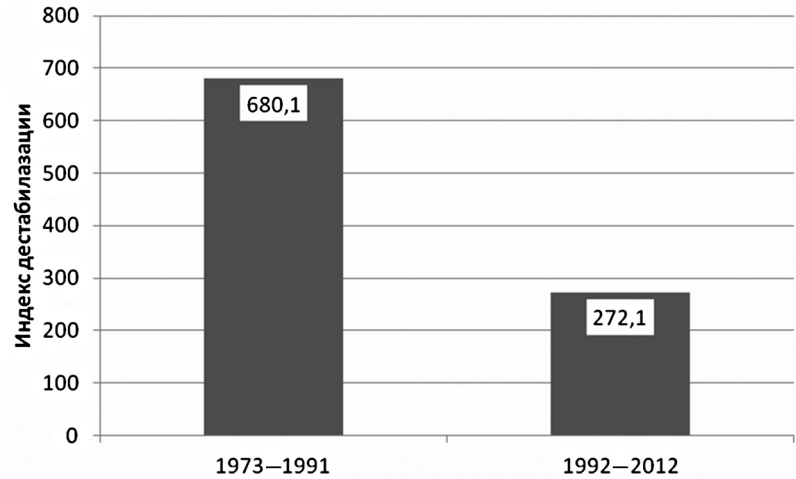

$$F=17,64; \alpha \ll 0,0001$$

Применительно к периоду после окончания холодной войны эмпирические тесты подтверждают обоснованность обеих сформулированных выше гипотез, фиксируя как снижение социально-политической нестабильности в демократических полициях, так и ее повышение в полициях авторитарных. При этом особенно сильно проявилась первая тенденция (см. *рис. 4*). Однако и рост нестабильности автократий был вполне заметным (на 27%) и безусловно статистически значимым (см. *рис. 5*).

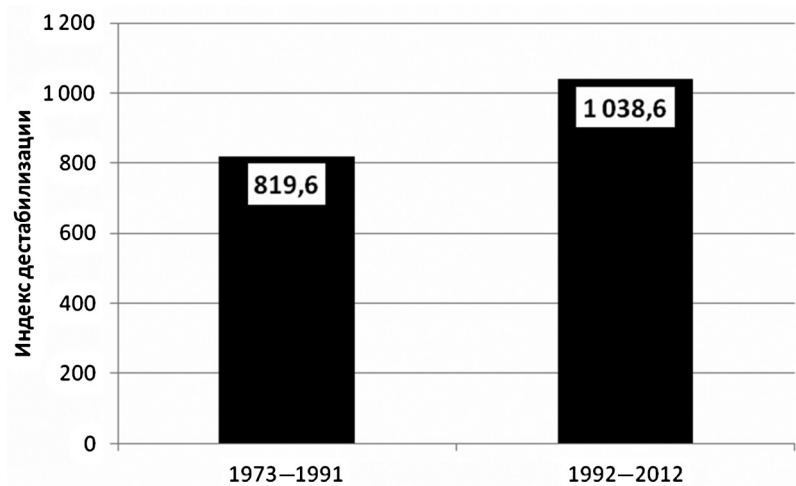
В то же время в случае промежуточных политий социально-политическая дестабилизация после окончания холодной войны не претерпела каких-либо статистически значимых изменений и осталась примерно на том же уровне, что и раньше (см. *рис. 6*).

Рисунок 4 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для демократических («свободных») политий до и после окончания холодной войны

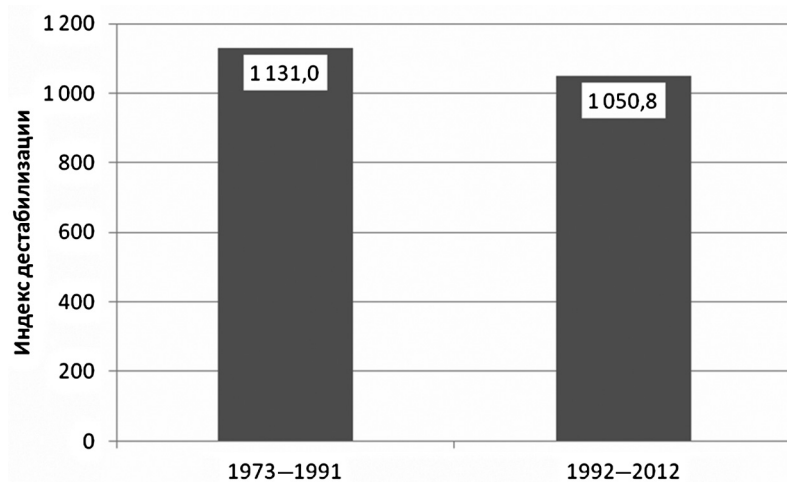
$t = 8,69; p \ll 0,0001; N = 2677$

Рисунок 5 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для авторитарных («несвободных») политий до и после окончания холодной войны

$t = -2,81; p = 0,005; N = 2043$

Рисунок 6 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для промежуточных («частично свободных») политий до и после окончания холодной войны

$t = 0,91$; $p = 0,366$; $N = 2111$

В итоге уровень нестабильности автократий приблизился к уровню нестабильности промежуточных режимов до такой степени, что разница между ними стала статистически незначимой — при том что и те и другие по этому показателю существенно превосходят демократии (см. *рис. 7*).

Обсуждение результатов тестирования

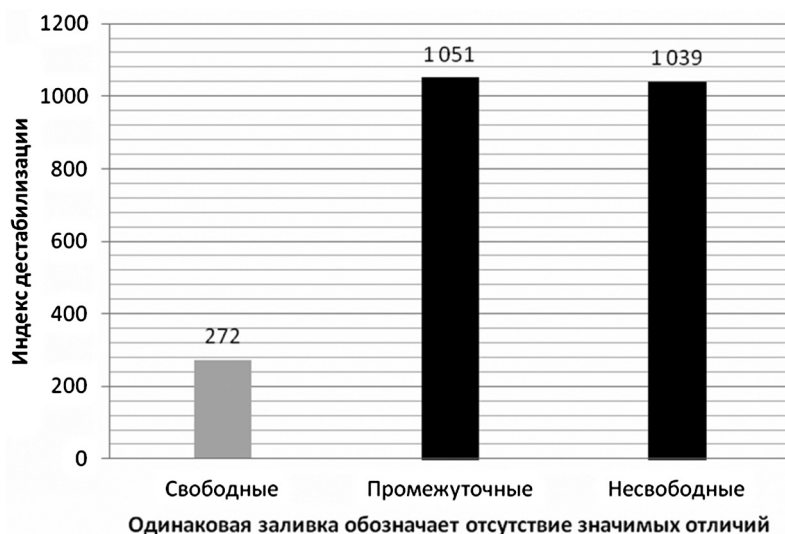
Таким образом, исходя из данных Freedom House и CNTS, казалось бы, можно говорить об исчезновении U-образной зависимости в период после окончания холодной войны. Однако такое заключение представляется нам не вполне адекватным, и, как мы постараемся показать ниже, здесь правильнее вести речь не об исчезновении, а об изменении конфигурации рассматриваемой зависимости.

Чтобы получить более нюансированную картину изучаемой закономерности, имеет смысл перейти от упрощенного деления политических режимов на три группы к анализу всего континуума современных политий от консолидированных демократий до последовательных автократий. И база данных Freedom House такую возможность предоставляет. Для этого достаточно задействовать используемую при классификации политий шкалу, или сводный рейтинг, который можно трактовать как индекс авторитарности (ИА).

NB! Согласно методологии Freedom House, сводный рейтинг вычисляется как сумма рейтингов политических прав и гражданских свобод (с числовым выражением от 1 до 7), деленная на два²⁸. Однако

²⁸ См. Freedom 2015; Puddington et al. 2015.

Рисунок 7 Среднее значение индекса социально-политической дестабилизации для режимов разного типа (1992–2012 гг.)

$F = 105,83; \alpha << 0,0001$

для индекса авторитарности последняя операция показалась нам излишней, и мы решили от нее отказаться. Поэтому, в отличие от сводного рейтинга Freedom House, ИА принимает значения не от 1 до 7, а от 2 до 14, где 2 отвечает консолидированным демократиям, а 14 — последовательным автократиям. Соответственно, демократическим («свободным») политиям отвечают значения ИА от 2 до 5, промежуточным («частично свободным») — от 6 до 10, авторитарным («несвободным») — от 11 до 14.

Рассмотрим теперь корреляцию между ИА и уровнем социально-политической нестабильности для периода до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) (см. *рис. 8–9*).

Как мы видим, асимметрия U-образной зависимости носит гораздо более сложный характер, чем казалось при анализе с использованием упрощенной трюичной классификации политий. Во-первых, и в период, предшествовавший окончанию холодной войны, последовательно авторитарные режимы заметно уступали консолидированным демократиям по уровню стабильности. Во-вторых, пиковые значения нестабильности явно сдвинуты в демократическую сторону спектра — наиболее подверженными дестабилизации в те годы были неконсолидированные демократии (ИА = 5), а также промежуточные режимы, склонявшиеся скорее к демократии, чем авторитаризму, в то время как промежуточные режимы, близкие к авторитарным (ИА = 10), оказывались

Рисунок 8 Корреляция между ИА и средними значениями социально-политической индекса дестабилизации в 1973–1991 гг.

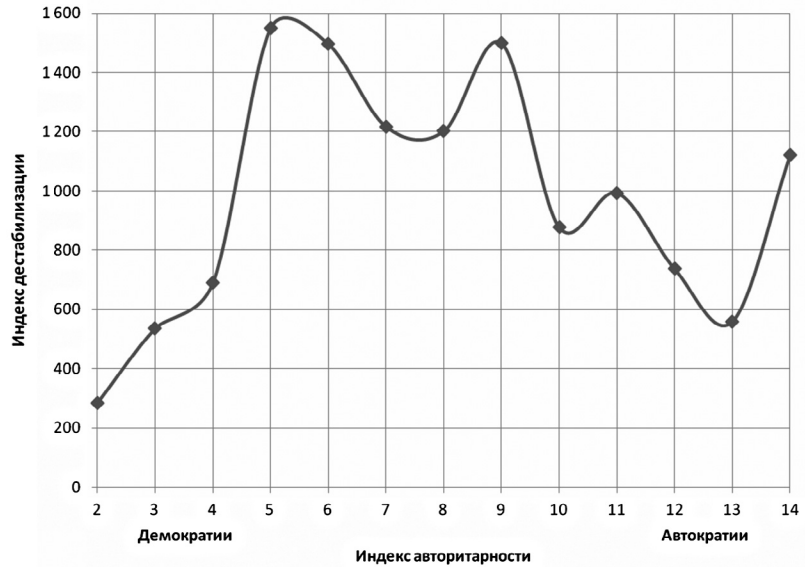
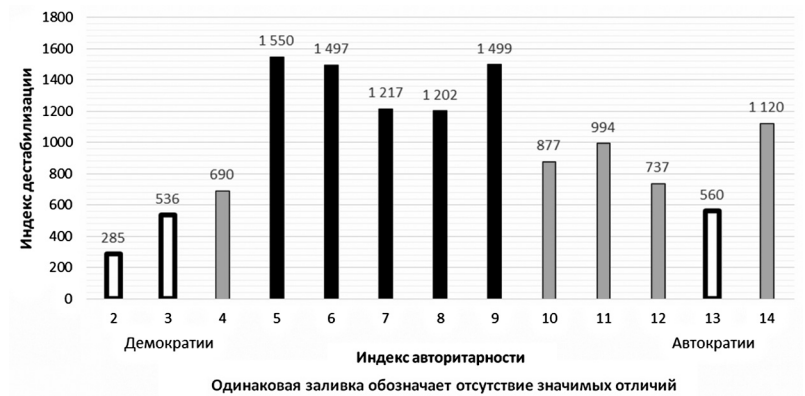

Рисунок 9 Корреляция между ИА и средними значениями индекса социально-политической дестабилизации в 1973–1991 гг. (ANOVA-анализ)

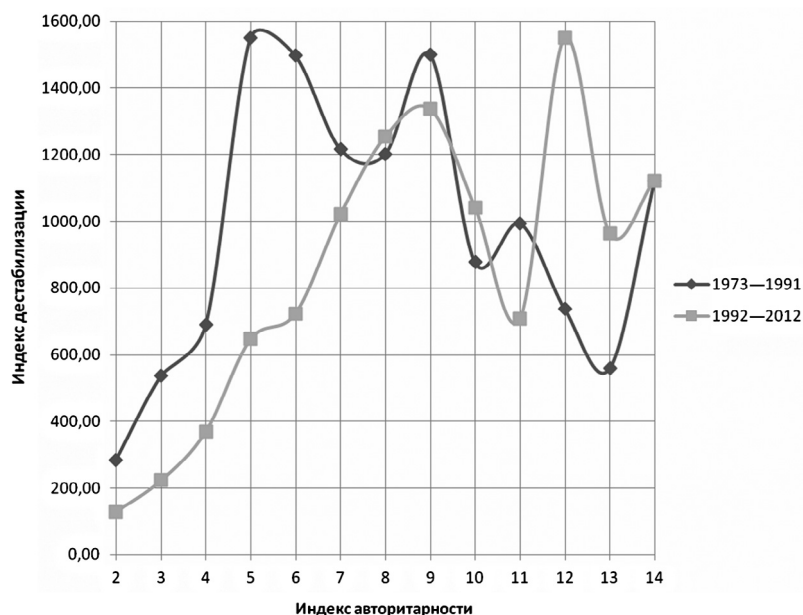
$$F = 12,94; \alpha << 0,0001$$

значимо более стабильными, чем неконсолидированные демократии. Непоследовательные же авторитарные режимы в общем и целом демонстрировали значимо более высокую степень стабильности, чем неконсолидированные демократии и промежуточные режимы (в особенности те, что склонялись скорее к демократии).

После окончания холодной войны ситуация кардинально изменилась (см. *рис. 10*).

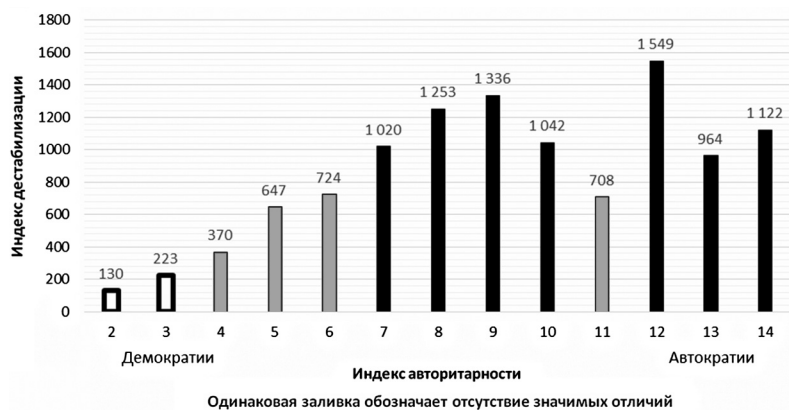
Существенных изменений в среднем уровне социально-политической нестабильности избежали только последовательные автократии (ИА = 14), промежуточные режимы в интервале от 7 до 10 и смыкающиеся с ними непоследовательные автократии (ИА = 11). У демократических политий, а также у промежуточных режимов, наиболее близких к демократическому диапазону (ИА = 6), этот уровень заметно снизился, а у непоследовательно авторитарных режимов (ИА = 12–13) — резко вырос. В результате, если раньше наиболее высокие уровни социально-политической дестабилизации были характерны для неконсолидированных демократий, то теперь пиковые значения этого показателя стали демонстрировать непоследовательные авторитарные режимы.

Рисунок 10 Корреляция между ИА и средними значениями индекса социально-политической дестабилизации до (1973–1991) и после (1992–2012) окончания холодной войны

При этом после окончания холодной войны интересующая нас U-образная зависимость настолько ослабла, что ANOVA-анализ ее даже не улавливает (см. *рис. 11*). Однако при использовании методики расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена она все-таки фиксируется. Действительно, для периода 1992–2012 гг. мы имеем не только безусловно статистическую значимость ($\alpha \ll 0,0001$)

Рисунок 11 Корреляция между ИА и средними значениями индекса социально-политической дестабилизации после окончания холодной войны (ANOVA-анализ)

$$F = 24,50; \alpha \ll 0,0001$$

положительную ранговую корреляцию между индексами авторитарности и дестабилизации в диапазоне ИА от 2 до 12, но и статистически значимую ($\alpha = 0,001$), хотя и крайне слабую отрицательную корреляцию в диапазоне ИА от 12 до 14.

Заключение

Итак, эмпирические тесты с использованием баз данных CNTS и Freedom House в общем и целом подтвердили наличие U-образной зависимости между типом режима и уровнем социально-политической нестабильности (консолидированные демократии и последовательные автократии более устойчивы, нежели промежуточные режимы). Вместе с тем проведенное исследование позволило выявить целый ряд важных деталей.

1. U-образная зависимость уровня социально-политической нестабильности от типа режима, как правило, отличается выраженной асимметрией.
2. Характер этой асимметрии может меняться со временем.
3. После окончания холодной войны U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической нестабильности заметно ослабла и претерпела существенные изменения. Если в 1973—1991 гг. наиболее высокий уровень социально-политической нестабильности демонстрировали неконсолидированные демократии, то в 1992—2012 гг. он стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

Библиография

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* — М.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2013. Демократия и революция // *История и современность.* № 2.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2014. Революция vs демократия // *Полис.* № 3.

Коротаев А.В. 2012. Ловушка на выходе из ловушки: К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии // Тощенко Ж.Т. (ред.) *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие.* — М.

Коротаев А.В., Божевольнов Ю.В., Гринин Л.Е., Зинькина Ю.В., Малков С.Ю. 2010. Ловушка на выходе из ловушки: Логические и математические модели // Акаев А.А. и др. (ред.) *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы.* — М.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2010. Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер».* № 36.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011а. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ // *Азия и Африка сегодня.* № 6—7.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2011б. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // *Историческая психология и социология истории.* № 4.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. 2012. Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Следзевский И.В., Саватеев А.Д. (ред.) *Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы.* — М.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013—2014 гг. // *Социологические исследования.* № 8.

Коротаев А.В., Малков С.Ю. 2014. Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах // *История и математика.* № 9.

Коротаев А.В., Малков С.Ю., Бурова А.Н., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки: Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. // Акаев А.А. и др. (ред.) *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития.* — М.

Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем // Акаев А.А. и др. (ред.) *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы.* — М.

Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. 2010. *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* — М.

Малков С.Ю., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Кузьминова Е.В. 2013. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // *Полис.* № 4.

Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. 2006. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // *Полис.* № 5.

Цирель С.В. 2012а. Революции, волны революций и Арабская весна // Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. (ред.) *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года.* — М.

Цирель С.В. 2012б. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. Арабская весна 2011 года // Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. (ред.) *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года.* — М.

Banks A.S., Wilson K.A. 2015. *Cross-National Time-Series Data Archive* (<http://www.databanksinternational.com>).

Buhaug H. 2006. Relative Capability and Rebel Objective in Civil War // *Journal of Peace Research.* Vol. 43 № 6.

Cederman L.-E., Hug S., Krebs L.F. 2010. Democratization and Civil War // *Journal of Peace Research.* Vol. 47. № 4.

Dahl R.A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition.* — New Haven.

Dalacoura K. 2001. US Democracy Promotion in the Arab Middle East since 11 September 2001: a Critique // *International Affairs.* Vol. 81. № 5.

Davies J.C. 1962. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review.* Vol. 27. № 1.

Davies J.C. 1969. Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements* // McLaughlin B. (ed.) *A Social Psychological Perspective.* — N.Y.

Ellingsen T. 2000. Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War // *Journal of Conflict Resolution.* Vol. 44. № 2.

Ellingsen T., Gleditsch N.P. 1997. Democracy and Armed Conflict in the Third World // Volden K., Smith D. (eds.) *In Causes of Conflict in the Third World.* — Oslo.

Fearon J., Laitan D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review.* Vol. 97. № 1.

Francisco R.A. 1995. The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States // *Journal of Conflict Resolution.* Vol. 39 № 2.

Freedom House. 2015. *Individual Country Ratings and Status, FIW 1973—2015* (<https://freedomhouse.org/sites/default/files/Individual%20>

Country%20Ratings%20and%20Status%2C%201973-2015%20%28 FINAL%29.xls).

Freedom in the World 2015: Methodology (https://freedomhouse.org/sites/default/files/Methodology_FIW_2015.pdf).

Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. 2000. *Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800—1998*. Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association. — Washington.

Gleditsch K.S. 2002. *All International Politics is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization*. — Ann Arbor.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkeley.

Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // *Journal of International Affairs*. Vol. 56. № 1.

Goldstone J.A. et al. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1.

Goldstone J.A., Kaufmann E.P., Toft M.D. (eds.) 2012. *Political Demography*. — Oxford.

Grinin L., Korotayev A. 2012. Does «Arab Spring» Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. Vol. 68. № 7.

Grinin L., Korotayev A. 2014. Revolution and Democracy in the Context of the Globalization // Kiss E. (ed.) *The Dialectics of Modernity — Recognizing Globalization: Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization*. — Budapest.

Gurr T.R. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800—1971 // *American Political Science Review*. Vol. 68. № 4.

Hegre H. 2014. Democracy and Armed Conflict // *Journal of Peace Research*. Vol. 51 № 2.

Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N.P. 2001. Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816—1992 // *American Political Science Review*. Vol. 95. № 1.

Heinsohn G. 2003. *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. — Zürich.

Jagers K., Gurr T.R. 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // *Journal of Peace Research*. Vol. 32. № 4.

Korotayev A. 2014. Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? // Mandal K., Asheulova N., Kirdina S.G. (eds.) *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions*. — New Delhi.

Korotayev A. et al. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // *Cliodynamics*. Vol. 2. № 2.

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015. Center-periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013—2014: A Cross-national Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 49. № 5.

Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014. A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems // *History and Mathematics*. № 4.

Korotayev A., Zinkina J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis // *Entelequia: Revista Interdisciplinar*. №13.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring // *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 7. № 4.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. 2014. The Arab Spring: A Quantitative Analysis // *Arab Studies Quarterly*. Vol. 36. № 2.

Mansfield E., Snyder J. 1995. Democratization and the Danger of War // *International Security*. Vol. 20. № 1.

Marshall M.G., Cole B.R. 2008. *A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies*. Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association.

Marshall M.G., Jaggers K. 2015. *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions 1800—2008* (<http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).

Mesquida C.G., Weiner N.I. 1999. Male Age Composition and Severity of Conflicts // *Politics and the Life Sciences*. Vol. 18. № 2.

Moller H. 1968. Youth as a Force in the Modern World // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 10. № 3.

Muller E.N., Weede E. 1990. Cross-National Variations in Political Violence: A Rational Action Approach // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 34. № 4.

Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. 2000. *Democracy and Development*. — Cambridge.

Puddington A. et al. 2015. *Discarding Democracy: Return to the Iron Fist. Freedom in the World 2015*. — Washington.

Regan P., Bell S. 2009. Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why Are Anocracies More Prone to Civil Wars? // *Political Research Quarterly*. Vol. 63. № 4.

Regan P.M., Norton D. 2005. Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 49. № 3.

Sambanis N. 2001. Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? A Theoretical and Empirical Enquiry (I) // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 45. № 3.

Taylor C., Jodice D. 1983. *World Handbook of Political and Social Indicators*. — New Haven.

Treier S., Jackman S. 2008. Democracy as a Latent Variable // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. № 1.

Ulfelder J., Lustik M. 2007. Modeling Transitions to and from Democracy // *Democratization*. Vol. 14. № 3.

Vreeland J.R. 2008. The Effect of Political Regime on Civil War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 52. № 3.

References

- Banks** A.S., Wilson K.A. 2015. *Cross-National Time-Series Data Archive* (<http://www.databanksinternational.com>).
- Buhaug** H. 2006. Relative Capability and Rebel Objective in Civil War // *Journal of Peace Research*. Vol. 43 № 6.
- Cederman** L.-E., Hug S., Krebs L.F. 2010. Democratization and Civil War // *Journal of Peace Research*. Vol. 47. № 4.
- Dahl** R.A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. — New Haven.
- Dalacoura** K. 2001. US Democracy Promotion in the Arab Middle East since 11 September 2001: a Critique // *International Affairs*. Vol. 81. № 5.
- Davies** J.C. 1962. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. Vol. 27. № 1.
- Davies** J.C. 1969. Toward a Theory of Revolution. Studies in Social Movements // McLaughlin B. (ed.) *A Social Psychological Perspective*. — N.Y.
- Ellingsen** T. 2000. Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 44. № 2.
- Ellingsen** T., Gleditsch N.P. 1997. Democracy and Armed Conflict in the Third World // Volden K., Smith D. (eds.) *In Causes of Conflict in the Third World*. — Oslo.
- Fearon** J., Laitan D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 1.
- Francisco** R.A. 1995. The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 39 № 2.
- Freedom House**. 2015. *Individual Country Ratings and Status, FIW 1973—2015* (<https://freedomhouse.org/sites/default/files/Individual%20Country%20Ratings%20and%20Status%2C%201973-2015%20%28FINAL%29.xls>).
- Freedom in the World 2015: Methodology** (https://freedomhouse.org/sites/default/files/Methodology_FIW_2015.pdf).
- Gates** S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. 2000. *Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800—1998*. Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association. — Washington.
- Gleditsch** K.S. 2002. *All International Politics is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization*. — Ann Arbor.
- Goldstone** J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkeley.
- Goldstone** J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // *Journal of International Affairs*. Vol. 56. № 1.
- Goldstone** J.A. et al. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1.
- Goldstone** J.A., Kaufmann E.P., Toft M.D. (eds.) 2012. *Political Demography*. — Oxford.

Grinin L., Korotayev A. 2012. Does «Arab Spring» Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. Vol. 68. № 7.

Grinin L., Korotayev A. 2014. Revolution and Democracy in the Context of the Globalization // Kiss E. (ed.) *The Dialectics of Modernity — Recognizing Globalization: Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization*. — Budapest.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2012. *Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoj Mir-Sistemy. Issledovanie kondrat'evskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushkek*. — M.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2013. Demokratiya i revolyutsiya // *Istoriya i sovremennost'*. № 2.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2014. Revolyutsiya vs demokratiya // *Polis*. № 3.

Gurr T.R. 1974. Persistence and Change in Political Systems, 1800—1971 // *American Political Science Review*. Vol. 68. № 4.

Hegre H. 2014. Democracy and Armed Conflict // *Journal of Peace Research*. Vol. 51 № 2.

Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gledish N.P. 2001. Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816—1992 // *American Political Science Review*. Vol. 95. № 1.

Heinsohn G. 2003. *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. — Zürich.

Jagers K., Gurr T.R. 1995. Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data // *Journal of Peace Research*. Vol. 32. № 4.

Korotayev A. 2014. Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? // Mandal K., Asheulova N., Kirdina S.G. (eds.) *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions*. — New Delhi.

Korotayev A. et al. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // *Cliodynamics*. Vol. 2. № 2.

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015. Center-periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013—2014: A Cross-national Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 49. № 5.

Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014. A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems // *History and Mathematics*. № 4.

Korotayev A., Zinkina J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis // *Entelequia: Revista Interdisciplinar*. №13.

Korotayev A.V. 2012. Lovushka na vykhode iz lovushki: K matematicheskomu modelirovaniyu sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoj periferii // Toschenko Zh.T. (ed.) *Sotsiologiya i obschestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie*. — M.

Korotayev A.V., Bozhevol'nov Yu.V., Grinin L.E., Zin'kina Yu.V., Malkov S.Yu. 2010. Lovushka na vykhode iz lovushki. Logicheskie i matema-

ticheskie modeli // Akaev A.A. i dr. (eds.) *Proekty i riski buduschego. Kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy.* — M.

Korotayev A.V., Isaev L.M., Vasil'ev A.M. 2015. Kolichestvennyj analiz revolyutsionnoj volny 2013—2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* № 8.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. 2013. Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring // *Central European Journal of International and Security Studies.* Vol. 7. № 4.

Korotayev A.V., Issaev L.M., Malkov S.Y., Shishkina A.R. 2014. The Arab Spring: A Quantitative Analysis // *Arab Studies Quarterly.* Vol. 36. № 2.

Korotayev A.V., Khalturina D.A., Kobzeva S.V., Zinkina Yu.V. 2011. Lovushka na vykhode iz lovushki? O nekotorykh osobennostyakh politiko-demograficheskoy dinamiki moderniziruyuschikhsya sistem // Akaev A.A. i dr. (eds.) *Proekty i riski buduschego. Kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy.* — M.

Korotayev A.V., Khalturina D.A., Malkov A.S., Bozhevol'nov Yu.V., Kobzeva S.V., Zinkina Yu.V. 2010. *Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya.* — M.

Korotayev A.V., Malkov S.Yu. 2014. Lovushka na vykhode iz mal'tuzianskoj lovushki v sovremennykh moderniziruyuschikhsya obschestvakh // *Istoriya i matematika.* № 9.

Korotayev A.V., Malkov S.Yu., Burova A.N., Zinkina Yu.V., Khodunov A.S. 2012. Lovushka na vykhode iz lovushki: Matematicheskoe modelirovanie sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh mir-sistemnoj periferii i sobytiya Arabskoj vesny 2011 g. // Akaev A.A. i dr. (eds.) *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya.* — M.

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. 2010. Prognozirovanie sotsiopoliticheskikh riskov: lovushka na vykhode iz mal'tuzianskoj lovushki // *Informatsionnyj byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter».* № 36.

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. 2011a. Egipetskaya revolyutsiya 2011 g.: strukturno-demograficheskij analiz // *Aziya i Afrika segodnya.* № 6—7.

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. 2011b. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sotsiodemograficheskij analiz // *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii.* № 4.

Korotayev A.V., Zinkina Yu.V. 2012. Strukturno-demograficheskie faktory «arabskoj vesny» // Sledzevsky I.V., Savateev A.D. (eds.) *Protestnye dvizheniya v arabskikh stranakh: Predposylki, osobennosti, perspektivy.* — M.

Malkov S.Yu., Korotayev A.V., Isaev L.M., Kuz'minova E.V. 2013. O metodike otsenki tekuschego sostoyaniya i prognoza sotsial'noj nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytij Arabskoj vesny // *Polis.* № 4.

Mansfield E., Snyder J. 1995. Democratization and the Danger of War // *International Security.* Vol. 20. № 1.

Marshall M.G., Cole B.R. 2008. *A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies.* Paper presented at the 2008 annual meeting of the American Political Science Association.

- Marshall** M.G., Jagers K. 2015. *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions 1800—2008* (<http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).
- Mesquida** C.G., Weiner N.I. 1999. Male Age Composition and Severity of Conflicts // *Politics and the Life Sciences*. Vol. 18. № 2.
- Mironyuk** M.G., Timofeyev I.N., Vaslavsky Ya.I. 2006. Universal'nye sravneniya s ispol'zovaniem kolichestvennykh metodov analiza (Obzor precedentov) // *Polis*. № 5
- Moller** H. 1968. Youth as a Force in the Modern World // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 10. № 3.
- Muller** E.N., Weede E. 1990. Cross-National Variations in Political Violence: A Rational Action Approach // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 34. № 4.
- Przeworski** A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. 2000. *Democracy and Development*. — Cambridge.
- Puddington** A. et al. 2015. *Discarding Democracy: Return to the Iron Fist. Freedom in the World 2015*. — Washington.
- Regan** P., Bell S. 2009. Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why Are Anocracies More Prone to Civil Wars? // *Political Research Quarterly*. Vol. 63. № 4.
- Regan** P.M., Norton D. 2005. Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 49. № 3.
- Sambanis** N. 2001. Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? A Theoretical and Empirical Enquiry (I) // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 45. № 3.
- Taylor** C., Jodice D. 1983. *World Handbook of Political and Social Indicators*. — New Haven.
- Treier** S., Jackman S. 2008. Democracy as a Latent Variable // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. № 1.
- Tsirel'** S.V. 2012a. Revolyutsii, volny revolyutsij i Arabskaya vesna // Korotayev A.V., Zin'kina Yu.V., Khodunov A.S. (eds.) *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda*. — M.
- Tsirel'** S.V. 2012b. Usloviya voznikoveniya revolyucionnykh situatsij v arabskikh stranakh. Arabskaya vesna 2011 goda // Korotayev A.V., Zin'kina Yu.V., Khodunov A.S. (eds.) *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda*. — M.
- Ulfelder** J., Lustik M. 2007. Modeling Transitions to and from Democracy // *Democratization*. Vol. 14. № 3.
- Vreeland** J.R. 2008. The Effect of Political Regime on Civil War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 52. № 3.